Огни горели ярко, как вишневые звезды в темноте. Это напомнило ему о Горгороте издалека, когда уруки были муравьями, а крошечные костры горели, как множество крошечных свечек. Так и было, но тьма была темнее, а огни слабее. Ситуация была ужасной рядом с несущественным исследованием любопытного юноши. Феато стоял болезненно бледный от холода, дрожа и содрогаясь под одеялом, когда он неуверенно шел к ближайшему из них.

Несколько эльфов нахмурились, а один усмехнулся, когда он сел. Но он был слишком холоден. Он хотел согреться, но не мог. Не со времен Моргота. Это слишком дорого облагалось налогом, чтобы пытаться. Что бы ни сделал Темный Вала, он сделал это хорошо, и проклятое колдовство проникло глубоко в его фэа, и там оно гноилось и гнило, развращая и калеча, как ему заблагорассудится.

Его спина замерзла, а передняя часть покрылась волдырями. Огонь слишком горячий, а холодный воздух слишком холодный.

Эльфы бормотали и болтали между собой, и он по большей части не обращал на них внимания.

Его отец ушел, и Феато это одновременно и обрадовало, и встревожило. Их ссора была горькой, и все было сложно и неловко, как никогда раньше. Но он скучал по знакомому присутствию посреди моря грозных эльфов, Майар и, что хуже всего, Валар.

Феато вздрогнул, пригнувшись к огню. Его суставы болели, а огонь обжигал. Особенно беспокоила его нога, так как заиграли старые шрамы и травмы. Но то ли страдать от жары, то ли поддаться холоду, и так он и сидел, терпя жару, содрогаясь и стиснув зубы, не в силах выжать из себя ни малейшего утешения.

Наконец вернулся его отец; темный, угрюмый и молчаливый, сел рядом с ним, усилив пожар, обжигающий его кожу, и отошел прочь. Эльфы вообще ушли, не желая быть рядом с бывшим темным лордом, а Моргот совсем недавно приобрел бывшего лейтенанта.

Его отец молча смотрел на него золотыми глазами, оценивая и анализируя каждую мельчайшую деталь, но у него не было слов, чтобы сказать. Нечего было сказать. Разорение, исправить которое Моргот не в силах.

Огонь заплясал красным в волосах его отца. Это было зрелище, с которым Феато еще не смирился. Одно дело слышать, что его отец когда-то был светлым, и совсем другое — увидеть это воочию после многих лет темных плащей и зловонной тьмы.

Золотые глаза встретились с серыми, но Феато отвел взгляд, не уверенный, что хочет подойти достаточно близко, чтобы разглядеть что-либо в их расплавленных глубинах.

По лагерю пронесся ветерок, и для Феато это вполне могла быть метель.

— Возможно, тебе будет удобнее внутри.

Это были первые слова, произнесенные его отцом за несколько часов, и Феато посмотрел на него. Он все еще смотрел; выражение тщательно нейтральное, и глаза непроницаемы.

«Я был внутри. Было темно. В темноте мне становится холоднее». Он засунул пальцы в одеяло и сгорбился, когда очередной нежный зефир провел томными ледяными пальцами по его голове. «Я не люблю темноту». Он добавил, как будто его отец еще не догадался об этом.

— Скоро, Малыш… — замолчал его отец, и сердце Феато сжалось, когда он услышал, как его детское имя вырвалось из уст бывшего темного лорда. «Скоро все стемнеет. Смотри и любуйся звездами. Одна за другой они исчезают».

Его отец указал на восток, и небо казалось более пустым. Что-то внутри сжалось, как нож, и он не смог сдержать вздох. Он запнулся, когда его отец протянул руку. Бледная рука ремесленника, сжимающая только воздух между ними.

«Пожалуйста, не надо». — прохрипел он, впиваясь пальцами в одеяло, чтобы оно не упало с его плеч, и наклонялся, наблюдая, как между ними болтаются пустые пальцы. Огонь — это все, что он мог вынести. Что-то еще было бы слишком. К счастью, рука его отца отдернулась, спокойно и элегантно устроившись у него на коленях.

Между ними повисла неловкая тишина, наполненная невысказанными словами, и Феато сидел в предвкушении мысли о том, что она будет нарушена. Но это не сработало. Ты не мог попытаться убить собственного отца, а затем через несколько дней легкомысленно поболтать. Реальность так не работала. И реальность скоро исчезнет.

Еще больше звезд на горизонте исчезло, когда вторглось что-то абсолютно бездонное и злое. Скоро это будет на них, и все будет разрушено и уничтожено в жестоком катаклизме силы.

Феато попытался встать, пошатываясь, когда затекшее колено в его искалеченной ноге подогнулось. Но он боролся и нашел свой баланс.

"Феато-"

Отец встал позади него.

«Это моя нога. Я в порядке».

— Тебя это все еще беспокоит?

Феато повернулся, приподняв бровь. «Он был разбит на миллион мест. Мы оба знали, что мне

повезет, если я восстановлю равновесие, достаточное для того, чтобы ходить без посторонней помощи, и мне повезло». Он мягко улыбнулся. «У каждого из нас есть свои шрамы, и мы должны владеть ими… как вы однажды сказали, мы должны владеть именами, которые дают нам другие. без разницы."

Он чуть дольше сдерживал улыбку. "Я в порядке." Пошатываясь, он плотнее закутался в одеяло и отвернулся. «Я скоро вернусь. Мне просто нужно кое-кого увидеть».

Она была в одной из лечебных палаток, рылась в ящике.

"Феато", ее голос был легким, но она была глубокой и темной, бездонно-синей. В ее присутствии он опустился на самое черное дно самого глубокого океана, где рыбы мигали, как светлячки в темноте, или держали перед собой маленькие фонарики, как Эарендиль, несущий драгоценные маленькие сильмариллы. Это место богатого индиго; вечный, бесконечный и вневременной — он был безнадежно очарован таким безмятежным и прекрасным местом.

Она была похожа на реку, и он был захвачен течением, безнадежно плывущим по течению.

Холодный воздух просочился в его кости и покрыл внутренности инеем. Злокачественная болезнь сгустила медный свет в коричневых удушливых угольках, но он подумал, что это честная сделка, когда он смотрел на нее, наклонившись, роясь в ее груди, серебристые волосы ниспадали на нее, словно водопад.

"Вам что-то нужно?" — спросила она, вставая с охапкой ткани. Она села на ближайшую койку и подошла к нему. Ее глаза были серебристо-голубыми и добрыми, но нахмуренными, когда она оценивала его. Он чувствовал себя ужасно. Вероятно, он выглядел ужасно, и ее рука, протянувшаяся к нему, почти подтверждала это. Он вздрогнул, когда ее слишком теплые пальцы коснулись его лба.

Она цокнула языком, недовольная блеском пота на кончиках пальцев. «Ты становишься холоднее. Я посмотрю, есть ли у меня что-нибудь, что может…»

Он поймал ее пальцы, когда она отстранилась, стиснув зубы, когда они горели в когда-то огненной руке.

«Звезды исчезают. Я хочу, чтобы вы увидели их во всей их серебряной красе, прежде чем они полностью исчезнут. Не могли бы вы присоединиться ко мне?» Он отпустил ее пальцы, игнорируя смущение, сжимающееся в животе. Ее глаза, голубые и серебряные, мудрые, сострадательные и интуитивные, мерцали, как бриллиантовый свет на поверхности черного пруда.

Ему стоило прийти сюда, и она это знала. И все же он стоял здесь, умирающий светлячок, излучающий последние лучи угасающего света.

«Я посмотрю на них вместе с вами».

Его сердце затрепетало, и он потянулся к ее пальцам, кусая губу и улыбаясь от боли; втайне надеясь, что сказала «да», потому что искренне этого хотела, а не потому, что чувствовала бы себя виноватой, отказавшись от него.

Прижав одной рукой одеяло к груди, он вывел ее за пределы палатки, и вместе они стояли, переплетя пальцы, вглядываясь в темнеющее небо.

Примечание автора: речь идет о гораздо старшем Феато. Он все еще непосед, но после всего, что с ним случилось в «Молодом волке», он вырос в кого-то более напористого и в некоторых отношениях более уверенного в себе. Он по-прежнему добр, но… его сострадание сдерживается цинизмом… до некоторой степени.

Этот фик основан на некоторых идеях, которые у меня были для потенциального продолжения. Продолжение, которое я, возможно, не буду писать. Я обычно не люблю писать сиквелы, но если я чувствую себя достаточно вдохновленным, я могу попробовать. Я не даю обещаний.

«Молодой волк» — это история молодого человека, пытающегося спасти своего отца и находящего свое место в мире. Тогда это была бы история отца, пытающегося спасти своего сына и примирившегося с миром. По сути, это та же самая история, рассказанная с противоположной стороны и происходящая во время Даргора Дагората. (Некая нуменорская принцесса может появиться во время второй музыки. ;))

http://tl.rulate.ru/book/94610/3178328